

СЕРГЕЙ ФЕДОРОВИЧ ОЛЬДЕНБУРГ

ВОСТОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ
НА СРЕДНЕВЕКОВУЮ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНУЮ
ЛИТЕРАТУРУ ЗАПАДА

Сергей Ольденбург

**Восточное влияние на
средневековую повествовательную
литературу Запада**

«Public Domain»

1934

Ольденбург С. Ф.

Восточное влияние на средневековую повествовательную
литературу Запада / С. Ф. Ольденбург — «Public Domain», 1934

«Работа научного исследования необыкновенно сложна, и те, кому приходится пользоваться уже готовыми ее результатами, излагаемыми в доступном и неспециалисту виде, не представляют себе того количества предварительных разнообразных изысканий, которое требуется часто для того, чтобы прийти к выводу, даже не являющемуся несомненным, а лишь приближенным, с той или другой степенью точности. При этом исследовательской работе приходится постоянно исходить из известных более широких обобщений, которые как бы освещают путь исследования...»

Содержание

Лекция I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Сергей Ольденбург

Восточное влияние на средневековую повествовательную литературу Запада

Лекция I

Работа научного исследования необыкновенно сложна, и те, кому приходится пользоваться уже готовыми ее результатами, излагаемыми в доступном и неспециалисту виде, не представляют себе того количества предварительных разнообразных изысканий, которое требуется часто для того, чтобы прийти к выводу, даже не являющемуся несомненным, а лишь приближенным, с той или другой степенью точности. При этом исследовательской работе приходится постоянно исходить из известных более широких обобщений, которые как бы освещают путь исследования. Допустим, например, что мы изучаем какой-нибудь род литературных памятников; мы должны для этого, несомненно, найти им сперва определенное место во времени и пространстве, т. е. приурочить их к определенным векам, к определенным странам или стране. Только тогда мы можем плодотворно приступить к их всестороннему исследованию. Затем нам необходимо поставить себе вопрос, в какой мере те литературные памятники, которые мы изучаем, представляют явление самобытное на той почве и в том времени, к которому мы их приурочили, или же, напротив того, не являются ли они заимствованными в той или другой мере со стороны или же пережитками другого времени, других родов литературы. Если они заимствованы, то откуда, если пережитки, то пережитки именно чего.

При только что намеченной, весьма сложной предварительной работе мы непременно наталкиваемся на условные, предварительные, так сказать, решения общих вопросов, нами поставленных, т. е., другими словами, нам приходится пользоваться так называемыми рабочими гипотезами, условными предположениями. При этом невольно происходит то, что рабочая гипотеза продолжает действовать еще тогда, когда уже начинают возникать сомнения в ее правильности, ибо сила инерции велика даже в научной исследовательской работе, именно вследствие громадной сложности и многогранности этой работы. Является потребность пересмотра гипотезы со стороны работников, которые чувствуют себя стесненными ею: добытые ими результаты не укладываются, по их мнению, в рамки общепризнаваемой гипотезы, обойти которую им тем не менее нельзя именно в силу ее общепризнанности, и вот им приходится затрачивать время и силы на задачу, часто выходящую за пределы их специальных знаний, результатом чего может явиться совершенно неправильное толкование данной рабочей гипотезы.

Вот почему чрезвычайно важно от времени до времени в связи с увеличением накопленного материала и расширением нашего кругозора систематически пересматривать рабочие гипотезы при свете новых данных и делать это именно не под влиянием той или другой частной работы, а с общей точки зрения.

В истории повествовательной литературы чрезвычайное значение приобрела теория заимствования – рабочая гипотеза, которую можно формулировать как заимствование средневековым Западом с Востока многих повествовательных сюжетов, которые, таким образом, являются западными только по форме. Теория эта, возникшая в XVIII в., который положил в Европе начало систематическому научному исследованию Азии, имеет своим родоначальником французского епископа Юе (Hue), она была далее развита Лойзелер де Лоншаном и получила в связи с успехами востоковедения и специального сравнительного языкознания и изучения индоевропейских языков чрезвычайно яркую формулировку в известной книге немецкого

ученого Т. Бенфея «Введение в Панчатантру», индийский сборник рассказов. Из наиболее крупных представителей этой теории можно указать на французов Гастона Париса и Коокэна, в России – на Александра Николаевича Веселовского.

В девяностых годах прошлого столетия теория эта подверглась горячей критике со стороны французского ученого Бедье, книга которого о французских средневековых повестях в стихах, так называемых фаблю, подробно рассматривала теорию заимствования, отнесясь к ней отрицательно. Попытка эта слишком широко поставить критику, включив в нее и вопрос о происхождении сказки, независимый от теории заимствования, вызвала многочисленные возражения. Несмотря на крупные методологические недостатки книги Бедье, за нею остается большая заслуга своевременной постановки вопроса о пересмотре рабочей «гипотезы заимствования», которую начали пользоваться слишком неумеренно я с недостаточной осторожностью. Пересмотр вопроса, однако, только поставлен, но не разрешен Бедье, особенно за отсутствием у него знакомства с литературами Востока, без которого это разрешение вопроса немислимо. Начатая Бедье работа должна быть непременно окончена, так как от того или иного решения вопроса о теории заимствования зависит плодотворность или бесполезность многочисленных изысканий в области повествовательной литературы.

Подойти к решению вопроса можно, только поставив его с самого начала в совершенно определенные рамки и отделив от него все, что не имеет к нему непосредственного отношения. Прежде всего, необходимо отделить от него вопрос о происхождении сказки, ибо для решения этого вопроса нужны совершенно другие изыскания, необходимо его расчленение в связи с обсуждением в плоскости сказки у первобытных народов или у культурных народов и затем потому, что решение вопроса о происхождении сказки зависит в известной мере от предварительного доказательства правильности или неправильности гипотезы о заимствовании Западом с Востока известных повествовательных сюжетов в определенное время средних веков.

Его надо поставить, как мы уже оказали, в определенную историческую обстановку, где мы могли бы говорить уже не в общих выражениях, а совершенно конкретно, ибо не надо никогда забывать, что определенные литературные формы недолговечны и, в общем, довольно скоропреходящи, что к ним вполне применимо то название «мода», которое в более узком смысле мы применяем по отношению к одежде, но которое всецело применимо в материальном быту и в значительной мере и к явлениям духовной жизни. Громадное число разнообразных факторов, определяющих наш жизненный обиход, вносит в него поневоле большой элемент переменчивости, чрезвычайно влияющий на характер сменяющих друг друга поколений, которые, в свою очередь, чрезвычайно влияют на окружающую их жизнь, так же как и она влияет на них часто и, казалось бы, даже внешними своими сторонами. Позволю себе указать на пример тех средних веков, о которых мы говорим: всякий, кому приходилось посещать средневековые рыцарские замки, помнит, вероятно, как ясно представляется глубокая пропасть, которая лежала во всем мирозерцании между обитателями замка, привыкшими всегда смотреть вниз, и жителями деревни или города, привыкшими смотреть вверх на замки и их обитателей; подобных примеров можно указать сколько угодно. Со сменой общих мод происходит и смена мод на литературные произведения, причем и тут, конечно, как и в одежде, люди могут возвращаться и возвращаются по несколько раз.

Эти смены чрезвычайно для нас важны, так как позволяют работать именно в конкретных рамках данного времени и данных мест, дают возможность считаться в значительной мере с определенными и поддающимися определению факторами. Основным фактором здесь, конечно, является та среда, которая воспринимает определенные явления, и на нее особенно следует обратить внимание, так как она или взращивает, или, напротив того, губит брошенное в нее семя, в зависимости от того, в какой мере в ней есть необходимое соответствие среде влияющей, дающей. Особенно чувствительными в этом отношении являются семена литературные; для успеха литературных всходов необходимо образование подходящей среды, которая

достигла бы известного культурного уровня, допускающего восприятие определенной литературной формы или определенного типа сюжетов. Ибо, несомненно, недостаточно того, чтобы две среды, стоящие на разных степенях культурного развития, существовали в одно и то же время, чтобы стало возможным полное общение между ними и восприятие менее культурной средой духовных богатств более культурной. Ведь, несомненно, и в наше время так называемая декадентская поэзия совершенно недоступна, например, крестьянину, кончившему начальную школу, и не она одна, а многие из тех произведений изящной словесности, которые мы читаем и воспринимаем с наслаждением и полным пониманием, совершенно непонятны широким массам и, хотя написаны на том же русском языке, которым они говорят, столь же мало доступны им, как произведения английской или испанской поэзии.

Два народа долгое время могут находиться в общении между собою, и более культурный может оказать глубокое влияние на менее культурный в области, например, культуры материальной, в области правовой и во многом вообще, а вместе с тем непосредственно очень мало влиять на культуру чисто духовную, пока не произойдет в менее культурной среде известный внутренний подъем, подготовляющий ее к восприятию более высоких элементов духовной культуры. Казалось бы, что это понятно само собой, между тем, когда говорят о литературных заимствованиях, слишком часто забывают, что недостаточно установить сосуществование двух народов для того, чтобы считать доказанною наличность тех или других взаимных или односторонних влияний.

Но не одна некультурность является препятствием для литературных восприятий; слишком глубокая разница в исходных точках воззрений и литературных вкусов может быть столь же действительною преградой для заимствований; есть роды поэзии, чуждые одним народам, по крайней мере на протяжении долгого времени, и любимые у других, и мы постоянно видим примеры тому, как народы тесно общаются между собой и тем не менее совершенно не влияют друг на друга многими произведениями своих литератур, ибо в них часто слишком много национального или присущего только определенной среде или определенному времени, а развитие отдельных народов идет, конечно, не параллельно.

Много столетий, например, общался Передний Восток с Европою, и взаимные культурные влияния были громадны и обоюдны; между тем, например, говоря хотя бы только о литературных памятниках, проходили века, Европа создавала и развивала, доводя до высокой степени совершенства, свою драматическую поэзию, а мир Ближнего Востока, столь много воспринявший от Европы, лишь в самое последнее время стал проявлять и то в слабом и в мало самостоятельном виде подражание европейской драме.

Все, это показывает, что в области заимствования действуют какие-то сложнейшие законы, которые не раскрываются теми первобытными методами исследования, какие применяются в сравнительном изучении литературы, где попытки охватить слишком широкую область сравнения приводят к слишком поверхностному пониманию отдельных составных частей, из которых поэтому не может сложиться надежное целое.

Следя за постепенным развитием духовной жизни человечества, мы встречаемся с периодами, когда какой-нибудь народ особенно восприимчив к иностранным влияниям, потому ли, что в нем в силу той или другой причины ослабло собственное творчество, или потому, что он подвергся влиянию более сильной или более яркой культуры. Вместе с тем мы видим периоды, когда тот или другой род литературы особенно процветает. Изучить причину этих явлений, однако, несравненно более трудно, чем установить их наличность, вот почему, вероятно, еще так мало сделано в этом отношении. Между тем изучение именно таких периодов особенно важно и поучительно для выяснения пределов влияния литературы одного народа на другой и характере этих влияний: относится ли оно к содержанию или к форме. Специально по отношению к влиянию восточных повествовательных памятников на западные выделяются особенно резко два периода: позднее средневековье и XVIII в... Из них в настоящее время нас занимает

позднее средневековье, которым с этой стороны уже очень много занимались как востоковеды, так и специалисты западных литератур. Если мы считаем, несмотря на обширную литературу предмета, необходимым подвергнуть вопрос новому пересмотру, то делаем это, полагая, что при изучении восточных влияний на средневековую литературу Запада вопрос не был достаточно расчленен и к нему приписан другой, чрезвычайно сложный и самостоятельный вопрос о происхождении сказки, так называемый вопрос о бродячих сказаниях. Это обстоятельство осложнило дело и в значительной мере затуманило его.

Мы поэтому сознательно суживаем задачу – мы берем время, двенадцатый по начало четырнадцатого века, и попытаемся доказать, что в этот период можно установить на Западе сильную восприимчивость к восточному влиянию в области повествовательной литературы. Не имея права считать себя в какой бы то ни было мере историком западного средневековья, я буду чрезвычайно осторожен в попытках толковать причины этой восприимчивости и останюсь поэтому, как исследователь восточных литератур, главным образом на том, какими из своих памятников в указанное время влиял Восток и какие были вероятные пути этого влияния. Как образцы наиболее типичных для этого времени в области довести памятников Запада я возьму несколько французских фавло и на них постараюсь доказать восточное влияние.

Вместе с тем я хотел бы показать, какими приемами мы должны пользоваться и каких, напротив того, избегать, чтобы вести надлежащим образом сравнительное исследование, т. е. наглядно дать методологию вопроса, какую она мне представляется. Такая работа полезна в настоящее время, так как уже настало время для систематического изучения взаимоотношений различных литератур и необходимо выяснить, где были эти взаимоотношения, когда и в чем они выразились. Пора перекинуть мост между историей и литературой через ту пропасть, которая лежит между ними вследствие несогласованности научной работы: так сложны задачи, стоящие перед отдельным исследователем, и так подавляюще велик материал, что исследователь невольно ограничивает круг своего чтения и разработки источников, останавливаясь на том только, что ему ближе. В результате получается неувязка, говоря языком съемки, и рельеф поля исследования выходит неопределенный и неясный.

Постараемся прежде всего в самых общих чертах представить себе, чем была средневековая западная Европа в то время, когда, как нам кажется, она стала особенно восприимчивой к литературным влияниям Востока; мы, конечно, укажем лишь на те черты, которые имеют значение для нашей непосредственной задачи, и сделаем это лишь в общей форме. С самого начала мы отметим рост городов и появление сплоченного городского населения как определенной культурной среды, с новыми духовными потребностями, во многом отличными от рыцарского круга, но во многом и одинаковыми. Возвышенный эпос и истинная лирика не исчезают, но рядом с ними возникает поэзия и литература более земная, более обыденная. Поэт отмечает рядом *exemplum* и *lai* – два рода литературного творчества, между которыми нет ничего общего. И эта новая литература, несомненно с новыми общественно-культурными кругами, проникает и в старый рыцарский круг, который, в свою очередь, делится с горожанином своими романами и «высокой» лирикой. В ее создании участвует и третий общественный круг, причастный не только к книге духовной, но и к книге светской, – духовенство. Мы замечаем, что время, о котором мы говорим, – время расцвета церковной проповеди и не только расцвета, но и своеобразного построения ее. В XII в. она возрождается, но носит еще характер проповеди монастырской и школьной, в XIII в. она уже во всем блеске широкой народности, своеобразно украшенная знаменитыми *exempla* – «примерами» из жизни и литературы, назначение которых оживить сухой богословский материал проповеди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.